

Екатерина Юрьевна Садовская

Минский государственный лингвистический университет, Минск

ОБ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕЙ СУЩНОСТИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО И ПОКОЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос поколенческой идентификации в межпоколенческом и поколенческом дискурсах. В качестве фрагментов для анализа используются контексты из Национального корпуса русского языка, которые позволяют выявить основания для идентификации поколения адресанта и поколения адресата. В основу поколенческой идентификации кладутся исторические, политические и экономические события, социальные нормы, а также период проживания поколения, уровень образования, начитанности, сфера профессиональной деятельности.

Ключевые слова: самоидентификация, идентификация, межпоколенческий дискурс, поколенческий дискурс, поколение, маркер.

Abstract. The article deals with the issue of generational identification in intergenerational and generational discourses. Examples taken from the Russian National Corpus allow to analyze the reasons for the identification of the generation of the sender and the generation of the recipient. Generational identification is based on historical, political, and economic events, social norms, periods of the life of the generation, level of education, erudition, occupation.

Keywords: self-identification, identification, intergenerational discourse, generational discourse, generation, marker.

Проблема самоидентификации и идентификации в течение веков находится в центре социальной проблематики. Наиболее глубоко это изучается философией, социологией, психологией. Религия, искусство и художественная литература также часто обращаются к одному из важнейших вопросов современности. Лингвистика позволяет взглянуть на проблему через призму межпоколенческого и поколенческого дискурсов.

Под межпоколенческим дискурсом понимается дискурсивная деятельность коммуникантов, являющихся представителями разных поколений: «Дядюшка, я не говорил, что наше поколение честней других, – очень тихо и еще неуверенно начинал Жадов» (М. А. Захаров. Театр без вранья). В рамках поколенческого

дискурса отсутствует эксплицированная обращенность представителя одного поколения к представителю иного поколения. Анализ меж- и поколенческой коммуникации позволяет увидеть основания для самоидентификации, а также отразить влияние социума и социальных норм на процесс идентификации одного поколения представителем иного поколения, например, *«Когда сын говорит мне, что их поколение умнее нашего, обращаю его внимание на то, что раньше писали в инструкциях по эксплуатации автомобиля, как регулировать клапанные зазоры, а теперь, что нельзя пить жидкость для аккумуляторов»* («Лиза», 4/2022).

Традиционно целью самоидентификации являлись самоосознание и понимание личностью своего места в структуре социума. Это справедливо и для самоидентификации индивида в качестве члена определенного поколения: *«Я, судя по годам, поколение X. МТВ, Панк-рок? Фигня какая-то, это все мимо меня прошло»* (Денис Михайлов. Фейсбук). Самоидентификация позволяет личности встраивать себя в социальную систему и социальную группу (в данном случае – поколение) и позиционировать себя определенным образом, например, для социального принятия и/или получения уважения, одобрения, поддержки.

Идентификацию личностью своего поколения можно также рассматривать как самоидентификацию (в данном случае собственного поколения как определенной социальной группы). В случае межпоколенческого взаимодействия самоидентификация может преследовать цель не только определить место своего поколения в социальном пространстве, но также оценить свое собственное поколение для сравнения с другими поколениями или транслировать пример для подражания (старшее поколение подает пример молодому поколению) либо обучать другое поколение на своем поколенческом опыте. Поколение, как и иные социальные когорты, базируется на взаимодействии индивидов: **«...личность формируется благодаря взаимодействию индивида с окружающими, своей социальной группой и прочими людьми, служащими для него моральными и нравственными ориентирами... структура личности полностью зависит от характера взаимодействия индивида с другими людьми. С точки зрения интеракционизма, личность развивается только благодаря взаимодействию с другими. Это взаимодействие может быть как настоящим, так и воображаемым. То есть, индивид, прежде чем совершить определенный поступок, может **подумать, как поступил бы в этой ситуации другой человек**, служащий для него ориентиром. Также для него важно, как его поступок оценят те, кого он уважает. Кроме того, он может специально избегать поступков, которые, по его мнению, совершил бы тот, кто ему не нравится»** [1]. Таким образом, представители поколения оценивают свое поколение, сопоставляют себя с другими членами своего поколения, а также сравнивают свое поколение с другими поколениями, то есть с референтными группами.

Представитель поколения соотносит себя с определенной социальной группой или когортой. В основе выявления поколенческой принадлежности может как лежать возрастной признак, так и набор определенных признаков (например, общие ценности, одновременное проживание значимых исторических событий), что делает приоритетным не столько схожий возраст, сколько общие нравственные ориентиры. В процессе самоидентификации собственного поколения и идентификации иного поколения как социальной группы индивид «...учитывает её ценности, моральные и нравственные нормы, которые принимает в качестве ориентиров для формирования собственных установок. Следует отметить, что **он может понимать эти ценности и нормы неправильно**, но при этом использовать их в качестве критериев для оценки собственного и чужого поведения» [1], т. е. этические координаты, доминирующие идеи и преобладающая в социуме образность выступают в качестве точек отсчета для идентификации: *«Мне кажется, наше поколение фронтовиков, повидав и хорошего, и плохого на войне, научилось видеть главное, ценить прекрасные мгновенья»* (Е. Колесниченко. Главная награда – жизнь // «Пермский строитель»). Суждения базируются на коллективной памяти, которая представляет собой «знание, которое конструируется, распределяется и передается внутри групп различной величины. Коллективная память может объединять разные типы групп: этнические, национальные, социальные, профессиональные...» [2] Коллективная память конструирует одинаковые поколенческие воспоминания и становится одной из ключевых основ идентификации.

Представители поколений вовлечены в определенные социальные взаимодействия: это может быть общение представителей разных поколений в рамках одной семьи либо в стенах каких-либо социальных институтов (школа, университет, работа и т. п.), то есть межпоколенческий и поколенческий дискурсы достаточно часто функционируют в симбиозе с иными видами дискурсов (семейным, возрастным, педагогическим, профессиональным и т. п.). Обозначить взаимодействие как меж- и поколенческое помогает актуализация поколенческой составляющей: *«Ваше поколение – поколение победителей – отличает достоинство и сплоченность»* (С. Митин, Е. Писарева. Уважаемые ветераны Великой Отечественной войны, труженики тыла, жители Новгородской области! // «Новгородские новости»).

С целью изучения явления поколенческой идентификации были проанализированы речевые фрагменты из Национального корпуса русского языка, содержащие маркеры *«мое поколение»* (175 вхождений в 124 документах) и *«твое поколение»* (8 вхождений в 7 документах). Сравнение двух групп анализируемых фрагментов позволило выявить ряд особенностей.

В случае самоидентификации адресантом собственного поколения идентификация осуществляется посредством предоставления информации о возрастном составе поколения, описании периода жизни поколения, сопутствующих

исторических и политических событий. Профессиональная занятость и принадлежность к определенной среде, образование и степень образованности, прочитанные книги, соотнесенность с выдающимися людьми, относящимися к данному поколению, а также уважение со стороны иных социальных групп продолжают список оснований для характеристики и, соответственно, идентификации поколения. Часть фрагментов также содержит оценку поколения как основание для идентификации.

Большинство фрагментов, представленных в Национальном корпусе русского языка, относятся к советскому периоду (97 или 55,42%), в то время как 78 контекстов или 44,57% являются отрывками, опубликованными в 1992 году и позднее. Соответственно, представленный спектр оснований для идентификации поколений демонстрирует приверженность ценностям периода существования СССР.

Анализ речевых актов, маркированных с помощью индикатора «мое поколение», продемонстрировал, что в случае самоидентификации поколения через оценку, подавляющее большинство оценок являются негативными и достаточно категоричными (6,28%). Фрагменты, содержащие положительную оценку, составляют только 0,57%.

Наиболее частотным в плане оценочной идентификации является использование различных прилагательных в атрибутивной функции: «– *Мое поколение выросло бесхребетным – это все произошло из-за перемены времени*» (А. Брагерский, Г. Ильичев. Слишком далеки они от Гевары. Отечественные коммунисты в портретах и комментариях // «Известия»). Фрагменты включают такие случаи оценочные определения, как *непримиримый, непримечательный, бесхребетный*. В ряде коммуниканты считают свое поколение *инфантильным и несвободным*. Они также используют обценную лексику («*дрянь*») в процессе коммуникации. Можно предположить, что подобная негативная реакция, очевидно, связана с менталитетом советского человека. Исследование особенностей социально-психологических характеристик ментальности представителей советских, переходных и постсоветских поколений, проведенное в начале 2000-х, продемонстрировало, что советское поколение «...получило низкие баллы по толерантности отступления от общепринятых норм, к иным взглядам и неавторитаризму» [3], что говорит о высокой степени нетерпимости ко всему, что не соответствовало догмам и требованиям социалистического уклада жизни. Было выявлено, что представители советского поколения оказались более требовательными и упрямыми (по сравнению с переходным и постсоветским поколениями). Советский человек также оказался «...подозрителен во всем, что касается «нового» и «иного», недоверчив, пассивен, пессимистичен, завистлив и тревожен... У него развивается тотальная фобия и неприязнь ко всему новому, чужому и иностранному» [3], то есть зависть и недоверчивость могут выступить в качестве триггеров отрицательного отношения к собственной поколенческой когорте. Уклад жизни и общественные ценности

в СССР также повлияли на то, что «большинство высказываний у представителей переходного и советского поколений обладает признаками зависимости от группы. <...> представления о своем «я» в советском и переходных поколениях напрямую зависят от мнения коллектива» [3].

Представление о поколении можно составить также посредством обращения к возрасту (1,71%) его членов: *«В основном это люди под шестьдесят, то есть мое поколение»* (Е. Чекалова, И. Кириллов. «Запомните меня другим» // Огонек. № 3, 1991). Общественные представления о людях шестидесяти лет позволяют адресанту увидеть среднестатистического человека такого возраста (как правило, пожилого, с рядом болезней, на пенсии, но продолжающего работать и т. п.).

Хронологичность в описании становления и жизнедеятельности поколения позволяет получить представление о ценностях и нормах, на которых поколение воспитывалось: *«И параллельно росло мое поколение: от детского (и отроческого) Пушкина переходя к юношескому Блоку и дорастая до Белого – схематически, упрощенно намечаю я эту линию, которую я, конечно, тогда не видела, тем более что в годы она переплеталась и путалась с другими, которые иногда перерастали, иногда заглушали ее»* (Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)).

Годы активной деятельности поколения также могут служить индикатором ценностей и приоритетов поколений, например, 1960-е или 1970-е: *«И кончилась эпоха, и пришла другая, а с нею – новые люди, и мое поколение стали называть семидесятниками, в лучшем случае восьмидесятниками, – и заиграла новая музыка»* (Н. Климонтович. Далее – везде (2001)). В данном случае идентификация семидесятников и восьмидесятников осуществляется через обращение к широко известному феномену – поколению шестидесятников.

Профессиональная занятость была чрезвычайно важна в СССР, поэтому 3,42% фрагментов используют занятость поколения как основание для идентификации, например, *поколение гуманитариев, поколение писателей, поколение актеров.*

В советский период высоко ценились начитанность и широкий кругозор, поэтому ряд фрагментов идентифицируют поколения через обращение к популярным книгам (Ф. М. Достоевский «Бесы») и песням («Если завтра война»): *«Мое поколение воспитывалось на «Азбуке коммунизма», написанной Бухариным по поручению Центрального Комитета партии»* (Н. Хрущев. Воспоминания (1971)).

Исторические события, свидетелем и участником которых стало поколение, являются еще одним основанием для поколенческой идентификации: *«Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают (и не только спрашивают, но и рекомендуют) записать свои воспоминания, потому что я и вообще мое поколение жили в очень интересное время: революция, гражданская война и все, что связано с переходом от капитализма к социализму, развитием и укреплением социализма»* (Н. Хрущев. Воспоминания (1971)).

Упоминание известных людей, принадлежащих к поколению коммуниканта, на которых следует равняться, сравнение условий жизни поколений (в противостоянии СССР и Запада, испытаний, выпавших на долю советского человека), рассуждения о поколении в виде риторического вопроса (*«Я обпивался ею до одури. Кто мы – мое поколение? Мечтатели в двадцатых годах, поредевшие и пытаные в тридцатых, выбитые в сороковых, обессиленные слепой верой и не набравшие сил от прозрения, мы бредем в одиночку»*) (И. Меттер. Пятый угол (1967)) дополняют палитру оснований для составления портрета и, соответственно, идентификации того или иного поколения как носителя программ социума. Длительные репрессии, суровые условия жизни обуславливают сущность чувств поколения и, соответственно, поведение поколения: *«Мое поколение, как и поколение Любимова и Эфроса, воспитано страхом»* (В. Смехов. Театр моей памяти (2001)).

Небольшое количество фрагментов, относящихся к периоду после распада СССР, часто обращается к советским историческим событиям: *«Вернулся и очень хотел жить... Сам удивлялся, что ему после всего, что он видел, хочется жить... Так было не со всеми, далеко не со всеми... Мое поколение выросло с папами, которые вернулись или из лагерей, или с войны»* (С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013)).

В то же время часть фрагментов концентрируются на образе жизни на сломе эпох: *«А мое поколение росло в 1990-е, в плохих условиях, поэтому в приоритете были чисто экономические вещи: финансовое благополучие, карьерный рост для этого», – вспоминает 37-летний Аскар Рахимбедиев, генеральный директор компании «МойСклад» – разработчика ПО для управления складами онлайн»* (А. Матвеева. Амбициозные и бессмысленные // «Эксперт», 2014)). Появление новых ценностей (западных), распад некогда могущественной страны, разрушение производства привели к резкому снижению уровня жизни и обнищанию населения и заставили поколения отказаться от прежних идеалов и заниматься обеспечением исключительно базовых потребностей.

Идентификация поколения в контекстах с манифестатором «твое поколение» удивляет своей ограниченной представленностью по сравнению с фрагментами с маркером «мое поколение» и поэтому позволяет составить ограниченное представление о критериях идентификации поколений. Преобладающая часть фрагментов (87,5%) относится к эпохе СССР, и только 12,5% описывают поколения в современной России.

Анализ демонстрирует схожесть оценочной деятельности при идентификации поколения, а также повторяет паттерн фрагментов с маркером «мое поколение», так как все контексты, содержащие эксплицитную оценку одного поколения другим, демонстрируют исключительно отрицательную оценку: *«– Странно – удивительное соединение: у тебя доброе сердце и такая явная душевная грубость»*.

Нет, твое поколение не лучше...» (Г. Газданов. Ночные дороги (1939)). Фрагменты, оценивающие иное поколение, составляют 37,5% от всех представленных контекстов. При этом в корпусе представлен всего один фрагмент, содержащий положительную оценку, выраженную имплицитно.

При идентификации поколения фрагменты демонстрируют сущность поколения через обращение к историческим реалиям, а также посредством использования сравнения: *«Это у тебя старческое брюзжание, дорогуша, остановила она себя, или, может, обидно, что твое поколение оказалось на обочине, оттеснили, отбросили, и не зря ведь, мы так работать не умеем, строчку напишешь, час думаешь, а современные писатели садятся за компьютер и отступкивают роман, как машинистка»* (Г. Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003)). Обращение к теме войны – еще одно частое основание для идентификации поколения: *«Это твое поколение война изуродовала, а мы – другие!»* (Г. Елин. Цвет (1978)). Сравнение демонстрирует ущербность поколения, к которому адресат обращается, в то время как его оценка «...а мы – другие» подразумевает положительную оценку собственного поколения.

Таким образом, в межпоколенческом и поколенческом дискурсе коммуниканты – представители разных поколений определяют характеристики и место своего поколения в социуме, а также оценивают собственное и иные поколения, идентифицируя их и их социальное положение. На процесс идентификации оказывает влияние коллективная память, наличие референтной группы, а также критерии возраста, хронологического функционирования поколения, исторические, политические и экономические события, доминирующие ценности и нормы и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ткаченко, Д. Интеракционизм: что это простыми словами, в чем проявляется / Д. Ткаченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnevnik-znaniy.ru/psixologiya/interakcionizm.html>. – Дата доступа: 01.05.2022.
2. «Одна на всех», или Что такое коллективная память [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://theoryandpractice.ru/posts/19713-odna-na-vsekh-ili-cto-takoe-kollektivnaya-pamyat?utm_campaign=15.03.22&utm_medium=email_nadia&utm_source=newsletter. – Дата доступа: 15.03.2022.
3. Пищик, В. И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности / В. И. Пищик // Социальная психология и общество 2/2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/42361/social_psy_2011_n2_Pischik.pdf. – Дата доступа: 01.05.2022.